СТЕПАН СКИБА

Дорога на Биркенау

Сборник рассказов

Степан Скиба
Дорога на Биркенау

https://litres.ru/74709482
SelfPub; 2026

Аннотация

Страх — это тоже язык. И эти истории говорят на нём честно и без прикрас. В сборнике собраны мистические рассказы, где напряжение нарастает с первой строки, а развязка бьёт в самое сердце. Призраки прошлого, роковые совпадения, необъяснимые знаки и тайны, которые лучше не раскрывать, — каждая история играет на самых глубоких страхах и любопытстве.Идеально для чтения в темноте — или под одеялом. Для фанатов мистики, хоррора и тех, кто верит, что в каждом старом доме живёт своя история

Содержание

Слёзы старого вяза 5
I 6
II 10
III 12
IV 15
V 18
VI 24
VII 27
VIII 29
Д 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Степан Скиба
Дорога на Биркенау

Слёзы старого вяза

Это свет — яркий, небесный и такой чистый.

Я одна, и я дома.

Почти смогла открыть глаза, но что-то кажется другим.

Ещё минуту — и сон, как ветром
унесёт, как и горечь покинутых
душ, что остались в этих стенах.

Под слезами старого вяза.

I

Они приехали на исходе дня. Солнце уже клонилось к земле, разливая по небу тусклую, акварельную охру. Старый «Бьюик» кашлянул в последний раз у обочины Ханни-стрит и заглох, оставив после себя лишь звенящую тишину на двухполосной ленте из потрескавшегося асфальта.

Дом на углу когда-то щеголял белоснежной штукатуркой, но теперь стоял посеревшим, с облупленной кожей карнизов и слепыми, провальными окнами второго этажа. Узкое крыльцо с винтовой колонной, лицо старика, изуродованное временем, но ещё хранящее призрак былого величия. На столбе ржавел почтовый ящик. Время стёрло инициалы на нём до неразборчивых царапин: то ли «К. М.», то ли «Д. В.».

— Мы будем жить здесь? - Голос Эмили был тихим.

Семилетняя девочка даже не повернулась к отцу. Её взгляд, цепкий и не по-детски серьезный, был прикован к дому. В руках она сжимала плюшевого зайца — потрёпанного, одноухого, с выцветшими глазами-пуговицами.

— Да, — Джонатан тяжело потёр шею. За последние месяцы, сон стал для него роскошью. Он осунулся, седина густо тронула виски, а в глазах застыла пустота. Он всё ещё помнил эхо чикагских ночей, тонкие стены шестого этажа и истошные крики дочери. Крики о том, будто она стояла у её кровати в темноте и смотрела. Смотрела не моргая.

— Это наш новый дом, Эм.

Рядом с машиной хлопнула дверца. Лора вышла последней. Хрупкая, с прозрачной кожей и тонкими запястьями, она казалась фарфоровой статуэткой на фоне этого мрачного фасада. В руках она бережно держала картонную коробку с посудой.

— Здесь тихо, — выдохнула она, оглядывая пустую улицу.

— Тишина — это именно то, что нам сейчас нужно, — отозвался Джонатан. Ему хотелось верить, что бегство из Чикаго оставило все страхи позади.

Гостиная встретила их простором и запахом старой пыли. Потемневший паркет отзывался на каждый шаг протяжным скрипом. У дальней стены чернел кирпичный камин, наглухо закрытый чугунной решёткой. Над ним висело зеркало в тяжёлой раме, покрытое паутиной мелких трещин, а на полу светлели прямоугольники. В углу сиротливо ютился буфет с выдвинутым ящиком, полным какого-то хлама.

— Предыдущие хозяева бежали отсюда сломя голову, — пробормотал Джонатан.

Лора молча отнесла коробку на кухню. Там было чуть светлее. Окно выходило на задний двор: покосившийся забор, сиротливо смотанный садовый шланг и куст сирени, криво обрубленный чьей-то корявой рукой.

— Работал человек, который ненавидел садоводство, — тихо усмехнулась она.

Холодильник оказался пуст, но исправен. На полке оди-

ноко желтела банка с какой то крупой, срок годности которой истёк уже давно. Лора без сожалений отправила её в мусорное ведро.

— Что ж. Можно начинать новую жизнь.

На второй этаж вела лестница с перилами из тёмного дуба, шатавшимися у второй ступеньки.

— Я пойду первая, — вдруг заявила Эмили.

И шагнула наверх. Уверенно. Слишком уверенно для семилетнего ребёнка.

Ванная была покрыта слоем серой пыли, кафель в углах пошёл небольшими трещинами, а над зеркалом зияли дыры от снятого бра. Комната Эмили находилась в глубине дома. Свет из окна падал на пол, выхватывая два тёмных прямоугольника на паркете — здесь когда-то стояла детская кроватка. Девочка посадила одноухого зайца на подоконник и уставилась на улицу. Вот наш первый день в качестве новых жителей Мидвуда.

Утро в Мидвуде наступало неохотно. Солнце медленно ползло над лесом, окрашивая верхушки сосен в цвет старой меди. Его лучи пронзали туман, стелившийся по низинам густым молоком, и наконец добрались до окон дома на углу Ханни-стрит. Внутри царила та первозданная тишина, которая бывает только до того, как дом окончательно проснётся.

Эмили вертела в руках синее платье с белым воротничком — школьную форму, купленную Лорой в местной лавке. Форма кололась. Она вызывала смутное, тягучее чувство

дежавю. Словно Эмили уже носила её.

— Сегодня первый день, — Лора попыталась улыбнуться. — Ты будешь не одна, милая.

«Мидвудская начальная». Джонатан смотрел на выцветшую табличку над входом, и ему казалось, что здание держится на честном слове. Странно, что его вообще не снесли.

*Справка из городского архива гласила: в 1923 году, после пожара в подвале, город выделил средства на реконструкцию. Но рабочие, начавшие ломать стены, внезапно остановились. Под бетонным полом они нашли комнату. Маленькую, без окон, с деревянными скамьями, обращёнными к чёрной доске. Слух замяли. Подвал наспех заложили кирпичом, и никто никогда не спрашивал — почему.

Школа встретила их тяжёлыми дубовыми дверями. В холле пахло воском, видимо рабочие все же пытались реанимировать паркет.В коридоре их ждала миссис Харлоу. Высокая, с седыми волосами, стянутыми в тугой, неестественно гладкий узел. Её глаза казались слишком светлыми — они смотрели не на Эмили, а куда-то сквозь неё, видя то, что происходило у девочки за спиной. Джонатана это испугало до дрожи.

— Добро пожаловать, Эмили, — голос учительницы был мягок, как бархат. — Мы очень тебя ждали.

II

Школьный звонок взрезал воздух резко, словно удар надтреснутого колокола. Дети замерли за партами, превратившись в восковые фигуры. Миссис Харлоу стояла у доски. Её тень, неестественно длинная от утреннего солнца, тянулась через весь класс, рассекая комнату пополам.

— Эмили, — имя прозвучало слишком громко в этой звенящей тишине. — Твоё место там.

Она указала на пустую парту у самого окна.

Эмили медленно пошла между рядами. Парты были старыми, изъеденными временем, испещрёнными царапинами. Когда она опустилась на стул, её пальцы нащупали глубокую борозду в дереве. Кто-то с силой выцарапал буквы, и, несмотря на пыль, они казались пугающе свежими:

«Не смотри в окно».

Эмили всё же подняла глаза. Во дворе, под огромным вязом с узловатыми, выступающими из земли корнями, стояла девочка. Белое платье, тёмные косы. Лицо бледное, почти прозрачное. Она не шевелилась. А потом девочка улыбнулась. Эта улыбка заставила Эмили содрогнуться. В тот же миг она почувствовала чьё-то дыхание на своей шее. Миссис Харлоу стояла прямо за её спиной.

На перемене двор залило солнцем, но тепло сюда не проникало. Воздух оставался тяжёлым, сырым, что свойствен-

но всем старым постройкам. В коридорах было полно детей. Кто-то бегал сломя голову ну , а кто-то проводил свое свободное время в изучении внешнего двора школы.

— Они тебя не видят, — прошептал голос совсем рядом.

Эмили вздрогнула и обернулась. Сьюзен стояла так близко, что их носы почти соприкоснулись.

— Почему? — выдохнула Эмили.

Сьюзен протянула руку. Её пальцы были тонкими, с синеватыми прожилками у ногтей. Она была невысокого роста почти как Эмили но в ее облике было что то настораживающее. Но что ? Эмили не могла себе ответить на этот вопрос.

— Ты хочешь увидеть? – голос Сьюзен прозвучал неуверенно.

Всё внутри Эмили кричало: «Беги!». Но Сьюзен уже схватила её за запястье ледяной хваткой и потянула к старому вязу. Кора дерева была исполосована глубокими царапинами. Это были не инициалы школьников, которые развлекались таким способом на переменах, а это был странный набор цифр. 12. 7. 23. 15. 18. 4.

— Это даты, — прошептала Сьюзен, не отрывая взгляда от коры.

— Какие даты?

— Когда они были здесь.

III

Сьюзен привели в эту школу осенью 1983-го. Миссис Харлоу тогда лично пришла к ним домой, выражая «крайнюю обеспокоенность отсутствием социальной адаптации у ребенка». Но Сьюзен уже тогда догадывалась, что учительница и отец о чём-то договорились. По вечерам миссис Харлоу приходила к ним, и из-за закрытой двери кабинета доносилось монотонное, усыпляющее бормотание.

В свой первый день Сьюзен поняла главное, что здесь всё неправильно. Дети двигались слишком синхронно. Учителя никогда не меняли выражения лиц. А в подвале, куда миссис Харлоу однажды отвела её «для беседы», не покидало чувство незримого присутствия кого-то постороннего.

— Ты особенная, — прошептала тогда учительница, проводя сухими, холодными пальцами по щеке Сьюзен. — Мы таких бережём.

В ту ночь Сьюзен проснулась оттого, что кто-то стоял у её кровати. Это был не отец. То было нечто в детской школьной форме, с лицом, оплывшим, как восковая свеча на солнце. Сьюзен узнала этот пустой взгляд. Холодный ужас сковал её горло. Это была кукла. Та самая деревянная кукла, которую миссис Харлоу «в подарок» оставила ей в первый день.

Эмили вернулась домой под моросящим дождём. Синяя форма промокла и помялась. Лора стояла у плиты, разме-

шивая суп, и запах жареного лука на секунду вернул Эмили в реальность. Девочка бросила ранец на стул.

— Ну как? — мать вытерла руки о фартук, пытаясь изобразить бодрость. — Понравилось?

Эмили пожала плечами и села за стол.

— Нормально.

Джонатан, перебиравший почту, отложил письма. В его взгляде читалась немая мольба: скажи, что всё хорошо.

— А учительница?

— Миссис Харлоу, — Эмили нахмурилась, ковыряя ложкой в тарелке. — Она… странная. Говорит слишком тихо. И когда смотрит… кажется, будто она вообще не моргает.

Лора натянуто рассмеялась.

— Ну, милая, может, у неё просто линзы. У моей тёти глаза сохли, она тоже редко моргала.

Эмили промолчала.

— А с кем-нибудь подружилась?

— С одной девочкой. Сьюзен. Она сидела во дворе под деревом. Сказала, что дети здесь ведут себя так, будто играют по чьему-то сценарию.

Родители молча переглянулись.

— Наверное, она просто одинока и много фантазирует, — мягко сказала Лора. — Завтра будет легче. Первый день всегда даётся тяжело.

Эмили кивнула, допила какао и пошла наверх. Она не стала рассказывать лишнего так как не хотела огорчать родите-

лей.

IV

Дождь лил четвёртый день подряд. Эмили смотрела, как капли стекают по стеклу, складываясь в причудливые, почти осмысленные узоры.

— Ты заметила, что в нашем классе всегда ровно двадцать три человека?

Голос Сьюзен был таким тихим, что Эмили сначала приняла его за шелест страниц. Она обернулась. Подруга склонилась над тетрадью, но вместо конспекта там красовалась схема класса. Двадцать три фигурки за партами.

— Даже если кто-то болеет, — карандаш Сьюзен медленно пополз по бумаге, — их место никогда не пустует.

Карандаш замер на последней парте у окна. Фигурка там была нарисована размыто, будто сквозь запотевшее стекло.

Эмили вспомнила вчерашний день. Марта не пришла из-за температуры. Но её парта не пустовала. Там сидела какая-то девочка, низко склонившись над учебником, так, что волосы полностью скрывали её лицо.

— Кто… — начала Эмили, но звонок оборвал её на полуслове.

Миссис Харлоу вплыла в класс. Её походка была плавной, скользящей — колени словно не сгибались.

— Сегодня мы изучаем жизненный цикл бабочек, — произнесла она. Голос звучал плоско, как всегда. Они уже при-

выкли к этому монотонному голосу.

Когда учительница повернулась к доске, Эмили почувствовала, как леденеет кровь. Тень миссис Харлоу на стене жила своей жизнью. Она на секунду отстала от движений тела, а затем голова тени медленно, отдельно от туловища, повернулась и уставилась прямо в окно.

Сьюзен, заметив ужас на лице Эмили, незаметно сунула ей под парту сложенный листок:

«Не смотри. Они знают, когда на них смотрят».

После уроков класс опустел. Дождь за окнами перешёл в монотонный, убаюкивающий гул. Когда дети начали расходиться по одному то Сьюзен, незаметно от посторонних глаз задержала Эмили возле своего шкафчика.

— Они заменяют нас. По одному, — прошептала Сьюзен, доставая из портфеля пожелтевшую фотографию.

На снимке был их класс. Те же парты, та же доска, тот же рисунок мелом. Но в углу стояла дата: 7 ноября 1923 года.

— Это невозможно… — выдохнула Эмили.

— Вглядись, — настаивала Сьюзен.

Среди детей на фотографии стояли они сами. Сьюзен — с привычно скрещенными на груди руками. И Эмили — с той самой заколкой в волосах, которую бабушка подарила ей на прошлый день рождения.

Громкий, властный стук в стену заставил их подпрыгнуть.

— Девочки, — сладкий, тягучий голос миссис Харлоу просочился сквозь дерево. — Пора домой. Становится…

темно.

Ручка двери класса начала медленно, со скрипом поворачиваться. Сьюзен рванула Эмили за руку к чёрному ходу.

— Завтра, — бросила она уже на улице, под ледяными струями дождя. — Завтра мы найдём школьный архив за 1923 год. Я достала ключ.

Эмили хотела спросить, откуда у неё ключ, но в этот момент в окне их пустого класса на втором этаже мелькнула тень. Кто-то стоял там и смотрел вниз. И это была точно не миссис Харлоу. Фигура была неестественно высокой, её шея вытянулась под невозможным, ломающим кости углом.

V

Солнце клонилось к закату, заливая тротуары густым золотом. Эмили перешагнула через трещину в асфальте. Они с Сьюзен давно решили, что это граница между «школьным» и «домашним» миром. В руке она сжимала листок с домашним заданием, где было указано написать о самом ярком дне лета. «Напишу про поездку к бабушке», — решила она.

Дом встретил её уютным запахом жареной курицы и бормотанием радио.

— Я дома! — крикнула Эмили, скидывая туфли.

Из кухни выглянула мама.

— Как школа? Папа задержится, просил не ждать с ужином.

— Нормально. Завтра сдаём проект по природоведению.

Эмили поднялась в свою комнату. Ранец глухо шлёпнулся на кровать. Она методично разложила учебники: природоведение, математика, чтение. Порядок успокаивал.

Перед сном она почистила зубы, уложила одноухого зайца на подушку и забралась под одеяло. В темноте над ней слабо светились фосфоресцирующие звёзды-наклейки, которые папа клеил в первую ночь после переезда.

Она не поняла, как уснула. И как проснулась.

В полной темноте кто-то стучал в стену за её кроватью. Не просто стучал — выбивал ритм. Тот самый, что миссис

Харлоу отстукивала длинными ногтями по крышке пианино на музыке.

Тук. Тук-тук. Тук.

Эмили зажмурилась, вцепившись в одеяло, когда по щеке скользнуло что-то мокрое и холодное. Ветка.

Прямо над её кроватью, проросший сквозь потолок, свисал чёрный, изогнутый сук перевёрнутого вяза. Точь-в-точь как в тех кошмарах, от которых они бежали из Чикаго. С коры сочилась липкая смола, капая на пол. В чёрных лужицах отражалось что-то движущееся.

— Эмили?

Дверь распахнулась. На пороге стояла мать. Но что-то было чудовищно неправильно. Её волосы были уложены слишком идеально, будто нарисованные кистью, а движения — плавными до тошноты.

— Тебе приснился плохой сон, — сказала Лора. Но это был голос миссис Харлоу.

Эмили закусила губу, чтобы не закричать.

— Я… хочу воды.

— Конечно, дорогая.

Мать повернулась. Слишком резко. С сухим хрустом, который не может издавать человеческий позвоночник.

Эмили, преодолевая парализующий страх, выскользнула из комнаты и бросилась вниз по лестнице. На кухне отец чистил яблоко.

— Тебе нужно есть больше витаминов, — произнёс он, не

отрывая взгляда от доски. Лезвие ножа продолжало размеренно двигаться, даже когда яблоко закончилось. Нож срезал тонкие полоски с его собственной кожи. Кровь капала на разделочную доску. Он улыбался.

Дикий, первобытный ужас затопил сознание. Бежать. В ванную.

Заперев дверь, Эмили увидела, что зеркало запотело, хотя вода не была включена. Дрожащей рукой она стёрла конденсат. В отражении, прямо за её спиной, стояла Сьюзен. Её лицо было искажено гримасой животного страха. Она прижала палец к губам. «Тише».

Из сливного отверстия раковины донёсся булькающий шёпот, будто кто-то говорил из самых недр труб:

«Найди нас под вязом… Мы всё ещё там…» - Темнота накрыла её с головой.

Утро расставило всё по местам. Сон. Просто сон. Но такой осязаемый, что на запястье всё ещё холодило от прикосновения пальцев Сьюзен. Это был не старый чикагскийкошмар. Это была новая реальность.

Школьный коридор пустовал. Длинные полосы света из высоких окон превращали паркет в шахматную доску. Эмили вжалась в стену, слушая, как сердце бьётся о рёбра.

— Ты уверена, что она ушла? — прошептала она в пустоту.

Сьюзен не ответила. Её пальцы скользили по деревянным панелям, пока не нащупали едва заметную щель.

— Здесь.

Дверь в архив скрипнула.

— Держи, — Сьюзен протянула Эмили старый фонарик , свет от которого тускло побежал по стеллажам.

Папки на них были перевязаны чёрными лентами, а на корешках тускло блестели золотые цифры: 1923. 1947. 1978.

— Похоже на архив , но что то не так, — голос Сьюзен дрогнул. — Это реестр.

Эмили потянулась к ближайшей папке и отдёрнула руку. Кожа на корешке была шершавой с едва заметными порами.

— Боже…

Сьюзен тем временем стащила с верхней полки толстый том в кожаном переплёте. На обложке был вытеснен герб школы, но при свете огонька он выглядел иначе: круг с перевёрнутым деревом, чьи корни тянулись вверх.

Она раскрыла книгу.

«7 ноября 1923. Сегодня мы завершили Обряд. Двенадцать новых сестёр присоединились к Вечному Классу. Мисс Харлоу довольна».

Эмили захлопнула книгу.

— Нам нужно уходить.

— Нет! Мы должны найти… — Сьюзен лихорадочно рылась в документах.

Её голос оборвался. В луче света лежала фотография: школьный класс, стройные ряды девочек в одинаковых платьях. Все как одна держали на коленях кукол.

— Это… я? — Эмили в ужасе отшатнулась, задев стеллаж. На пол с грохотом упала небольшая жестяная коробка. По полу раскатились десятки стеклянных глаз.

Из глубины архива донёсся скрежет. Будто что-то огромное ворочалось в темноте. Медленные, шаркающие шаги.

— Она идёт, — выдохнула Сьюзен.

Они бросились к двери, но та захлопнулась сама собой. В последний миг Эмили заметила на внутренней стороне двери рисунок. То же перевёрнутое дерево. Только теперь его корни были вымазаны в красном.

Сьюзен всем телом навалилась на дверь. Нехотя но она поддалась.

— Бежим!

Они вырвались в коридор, но он изменился. Стал длиннее. Намного длиннее. А в дальнем конце, плавно покачиваясь, будто на невидимом ветру, стояла фигура в знакомом белом платье.

— Кукла… — Сьюзен замерла, вцепившись в руку Эмили. — Та, которую подарила мне миссис Харлоу.

— Сестрички вернулись, — вдруг произнесла она. О господи, этот голос. Это был бархатный, мёртвый голос миссис Харлоу.

Из всех дверей коридора одновременно раздался стук. Десятки маленьких ладоней били по дереву изнутри.

Тук. Тук. Тук.

Архивная дверь с треском распахнулась. На пороге стояла

миссис Харлоу. Её тень текла по полу, сливаясь с силуэтом куклы в конце коридора.

— Девочки, — её губы растянулись в улыбке, которая разрывала кожу на щеках. — Вы пропустили урок.

Сьюзен рванула Эмили в боковой проход.

— Не оглядывайся!

Коридор извивался, как кишка живого существа. Стены дышали, сжимаясь, пол под ногами стал вязким. Двери распахивались сами, обнажая классные помещения. Но они небыли пустыми. За каждой партой сидела девочка. Спиной к двери. В такой же синей форме.

— Они зовут нас… — плакала Сьюзен.

Фонарик в руке Эмили взвыл, как раненое животное, мигнул и погас. Абсолютная тьма.

— Вниз! — взвизгнула Эмили, увлекая подругу к лестнице в подвал.

Ступени были покрыты льдом. С каждым шагом вниз воздух становился гуще, пропитываясь морозным запахом гари. Дверь в подвал, заложенная кирпичом, как гласили справки, теперь была открыта. Кирпичи грудой лежали на полу.

VI

Школа в описаниях появилась в 1891 году. История ее была крайне туманной но одно было ясно ,что на свет ее родила отнюдь не жажда знаний , с бескрайняя скорбь по ушедшему. Эдвард Мидвуд, богатый промышленник, потерял жену при родах, а семилетнюю дочь — от тифа. В горе он отдал всё состояние на строительство школы для девочек из бедных семей.

— Пусть они будут теми, кого я не смог уберечь, — сказал он на открытии, стоя в тени старого вяза, посаженного в честь дочери.

Школа была светлой. Девочки приходили сюда из нищих деревень, чтобы получить шанс на жизнь. Но что-то не давало покоя этому зданию с первых дней.

В 1903 году исчезла первая — Маргарет Уилкс, девочка с застенчивым смехом. Она просто не пришла на урок. Кровать была заправлена, форма аккуратно сложена. Только в шкафу осталась кукла, которую она никогда не выпускала из рук.

Миссис Харлоу появилась в 1910-м. Странное появление , которое не оставило о себе никаких свидетельств и записей. Она просто возникла на пороге в строгом чёрном платье. Вскоре директор ввёл для старшеклассниц новые занятия — «уроки памяти». По одной из версий, детям нужно было си-

деть с закрытыми глазами и вспоминать все свои проступки. Якобы это была дань древней традиции.

Прежде чем огонь слизал стены, прежде чем тени обрели плоть, а дерево превратилось в гробницу — был Обряд. Ритуал забвения, существовавший задолго до Мидвуда.

Всё начиналось с выбора. Девочка должна была обладать восприимчивостью к такого рода странностям. Та, кто видит тени после пробуждения, кто слышит шёпот, кто рисует странные образы. Такие девочки сами тянулись к школе, как мотыльки на пламя свечи.

Каждой кто прошел отбор миссис Харлоу вручала куклу. Выточенную из древесины старого вяза. С гладким, лишённым черт лицом и стеклянными глазами.

По вечерам девочки спускались в подвал и садились на скамьи перед чёрной доской.

— Сегодня мы вспоминаем, — говорила миссис Харлоу. — Потому что наше воображение — это дверь.

И они закрывали глаза. Они вспоминали то, чего не было. Погружались в сны о домах, в которых не жили, вдыхали сладкий привкус чужой смерти. Постепенно их настоящие воспоминания стирались, как мел с доски. А на их месте прорастали новые, стерильные мысли — семена, посеянные Харлоу.

В ночь ноябрьского полнолуния, когда тени вытягивались до предела, наступал последний урок. Девочка спускалась в подвал одна за одной, сжимая куклу.

— Ты готова стать сестричкой?

Девочка кивала.

Учительница брала куклу и вдыхала в неё частицу жизни. Забирала страх, голос, последнее «я». Кукла оживала. А девочка… оставалась пустой оболочкой без имени и снов. Она продолжала ходить по коридорам, сидеть за партой, носить форму.

Обряд поддерживал баланс. Школа больше всего напоминала живой организм, сотканный из боли и забвения, и души сестричек служили ему пищей.

VII

Харлоу —по сути это маска, которую носит само здание. Существо, рождённое из невыносимой любви и горя Эдварда Мидвуда, из его отчаянного желания сохранить то, что уходило сквозь пальцы. Школа боялась смерти больше всего на свете. И она научилась кормиться детскими душами. Все, что не смог уберечь Мидвуд.

Замок в двери подвала щёлкнул. Эмили и Сьюзен попытались собрать старые журналы, портреты, деревянных кукол — всё, что хранило следы Обряда и что могло служить частью и плотью этой школы. Они сложили это в центре комнаты, как на алтарь. Эмили чиркнула спичкой. Пламя вспыхнуло лишь на мгновение. Огонь не стал пожирать бумагу. Он застыл в воздухе, дрожа, как живое существо, а затем начал втягиваться обратно в спичку, а далее медленно пожирая плоть в руку Эмили. Это не огонь. То была та самая тень, что преследовала её с первого дня.

Упав на колени, Эмили вдруг вспомнила всё. Вспомнила, как её привели сюда. Как вложили в руки куклу. Как она кивнула на вопрос о сестричках. Как её имя стёрли с классной доски. Как мать посмотрела на неё пустыми глазами и сказала: «Я не знаю такой девочки». Как она умерла, не переставая дышать. Как стала частью стен.

— Эмили, беги, — прошептала Сьюзен. Её голос дрожал.

Чёрная, извивающаяся тень оторвалась от пола, обвила запястье Сьюзен и начала впитываться в кожу. Но Сьюзен не кричала. В её распахнутых глазах не было страха.

— Я была первой, — прошептала она. — Я не могу уйти. Он хочет что бы я осталась..

Эмили попыталась схватить её за руку, но пальцы прошли сквозь плоть, как сквозь туман. Тень Сьюзен оторвалась от её ног и впиталась в кирпичную кладку. Её голос остался висеть в воздухе последним, тихим шелестом.

На полу лежал спичечный коробок, оброненный Сьюзен. Эмили вытащила спичку. Провела по краю. Пламя вспыхнуло снова. На этот раз оно не подчинялось теням и было настоящим. Жёлтым. Обжигающим. Она бросила его в кучу бумаг и кукол. Огонь набросился на них, ревя, как зверь, слишком долго сидевший в клетке.

Школа сопротивлялась. Стены задрожали, пол пошёл волнами. Из щелей повалил чёрный, удушливый дым, пытаясь задушить пламя, как свечу. Из темноты раздался крик — не человеческий, а рёв самого здания, полный первобытного ужаса перед концом.

VIII

«Мидвуд Индепендент»

Главный заголовок первой полосы:

«ТРАГЕДИЯ В МИДВУДЕ: ШКОЛА СГОРЕЛА ДО ТЛА, ДЕТИ ИСЧЕЗЛИ БЕЗ СЛЕДА»

Мидвуд, штат Нью-Йорк — В ночь на 11 ноября в центре города произошла катастрофа, равной которой Мидвуд не знал: здание начальной школы полностью уничтожено огнём.

Вызов поступил в 23:17. К моменту прибытия бригад пламя уже вырывалось из окон, особенно яростно полыхая в подвальных помещениях. Пожар удалось взять под контроль лишь к пяти утра. От школы остался лишь обугленный каркас.

По данным администрации, в тот вечер в здании находились 13 девочек (7-12 лет), оставшихся на дополнительные занятия с классным наставником, миссис Эвелин Харлоу.

Ни одна из девочек, ни учительница не были найдены.

«Мы прочесали каждый уровень, включая подвал, — сообщил капитан Марк Теллер. — Тел нет. Ни останков. Ни единого следа».

Семьи пропавших детей собрались у полицейского оцепления.

«Мою Лизу видели входящей в школу в полседьмого вече-

ра, — плакала миссис Дорис Пейдж. — Её портфель остался дома. Она не могла уйти!»

Следов поджога не обнаружено. Электропроводка проверялась месяц назад. «Короткое замыкание в подвале — наиболее вероятная причина, — заявил инспектор. — Но куда делись люди, мы объяснить не можем».

Д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.